

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
II международной научной конференции
«Литературный процесс в России XVIII–XIX веков.
Светская и духовная словесность»
18 октября 2016 г. ИМЛИ РАН
Отдел русской классической литературы

*Блудилина Наталья Даниловна,
д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

ДУХОВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
РОССИИ С СЕРБИЕЙ
В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ*

В докладе исследуются рукописные источники (РГАДА. Греческие дела. Книги Посольского приказа. Дела Посольского приказа о приездах сербских духовных лиц), свидетельствующие о крепких дружественных узах, соединявших сербское и русское духовенство, их тесном духовном и культурном сотрудничестве, и которые являют собой особого рода документальную литературу, ибо не только хранят фактические сведения, но и порой красочно воскрешают прошлое из небытия.

Рассмотрены грамоты русских правителей сербским иерархам (например, грамота самого начала петровской эпохи 1689 г. от имени Ивана и Петра Алексеевичей сербскому патриарху Арсению III Черноевичу), которые имели важное государственное значение и стали частью истории русской документальной литературы, что доказывается на примерах анализа их содержания, чаще светского, и формы, имевшей строгий словесный канон, разработанный еще в XVI в.

Особое внимание уделено в докладе жалованным грамотам Петра I сербским монастырям на проезд в Россию за милостыней «или иных монастырских дел», которые имеют большое историческое значение для нашей темы (подлинные жалованные грамоты не сохранились в России, они увозились старцами в Сербские земли, в свои обители, в РГАДА имеются лишь «отпуски» жалованных грамот, списки или подготовительные черновики). В Посольском приказе был разработан также в XVI в. специальный формуляр текста жалованной грамоты, который повторялся из грамоты в грамоту, наделяя сербских старцев одинаковыми правами во время проезда по территории Российского государства. Он лежал и в основе всех грамот, выдаваемых сербским духовным лицам на протяжении конца XVII – начала XVIII в. В петровское время жалованные грамоты подверглись большей регламентации, детализации и приобрели более утилитарный характер.

В делах о приезде за милостыней сербских духовных лиц особый интерес представляют их расспросные речи, «листы» (например, от 29 января 1702 г. игумена Феофила сербского монастыря Святых Козьмы и Дамиана, Раковац; от 3 мая 1702 г. митрополита Нектария монастыря Успения Богородицы, Требиня) — достойный образец документальной литературы. Своеобразное соавторство рассказчика, сербского посланника, и писца Посольского приказа, записавшего, как полагалось, его живую речь в точности: реальное происшествие в реальном времени с реальными людьми. Расспросные листы включают в себя начала двух жанров: путешествия (описание перипетий в пути) и исповеди рассказчика (его духовный взгляд на события, личные переживания). В них очевидно переплетение светского и духовного начал.

Нами приведены в докладе лишь отдельные документальные источники, но и они свидетельствуют, как должно осуществлялась подлинная духовная и культурная взаимосвязь России и Сербии в петровское время.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Крашенинникова Ольга Александровна,
к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

АРХИМАНДРИТ МАРКЕЛЛ РАДЫШЕВСКИЙ КАК АВТОР ОТВЕТА СОРБОННСКИМ БОГОСЛОВАМ (1730)*

После смерти Петра I, во второй половине 1720-х – начале 1730-х гг. в русском обществе оформилось идейное противостояние двух оппозиционных лагерей: лагеря протестанствующих реформаторов (архиеп. Феофан Прокопович, епископ Гавриил Бужинский, В.Н. Татищев, архим. Феофил Кролик и др.) и консервативно-православной оппозиции (архиеп. Феофилакт Лопатинский, архиеп. Георгий Дашков, архим. Варлаам Высоцкий, архим. Игнатий Смола, архим. Платон Малиновский, М. Аврамов и др.).

Признанным духовным лидером православного лагеря был архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Маркелл Радышевский (+1742), который со второй половины 1720-х гг. выступал с систематической критикой богословских взглядов Прокоповича, опровержением протестантской и кальвинской ереси, критикой политики Священного Синода.

Время краткого правления Петра II (1727–1730) было особенно благоприятным для укрепления оппозиционных сил, реставрации патриаршества, борьбы с иноверием. В то же время в России активизировались католические миссионеры, которые почувствовали благоприятную возможность для сближения с русской церковью. В 1728 г. в

Россию по поручению Сорбонны прибыл аббат Жак Жюбе де ла Кур в качестве духовника при испанском посланце герцоге де Лириа с целью католической пропаганды среди русского епископата во имя скорейшего объединения двух церквей.

Это время в России не случайно было отмечено бурным расцветом церковной публицистики, главный нерв которой составляла межконфессиональная полемика. Так Маркелл Радышевский, который с марта 1729 г. по март 1731 г. находился под домашним арестом в московском Симоновом монастыре, именно в эти годы завершил свои основные сатирико-полемические памфлеты и богословские трактаты.

В их числе в 1730 г. им был написан полемический трактат против записки сорбонских богословов о соединении русской и латинской церквей (поданной Петру I в 1717 г.), составленный по заказу троцкого архим. Варлаама (Высоцкого) и бывшего директора петербургской типографии Михаила Аврамова. Текст этого трактата никогда не публиковался, он известен в двух списках, хранящихся в НИОР РГБ (ф. 247 (Рогож.), № 567, лл. 1-92) и ОР РНБ (Q. 1.281, лл. 1-164 об.). Трактат не имеет заглавия, никем не подписан, но в нем имеется указание на дату окончания сочинения – 18 августа 1730 г. Доказательства авторства Маркелла Радышевского содержатся в материалах его Следственного дела. Из показаний Радышевского следует, что «писал он Радышевский ему Архимандриту [Варлааму –*О.К.*] книгу ответную на вопросы французских соборных учителей, которые де вопросы присланы были при Государе Петре Великом, и тою де книгу написав, отдал ему Архимандриту чрез онаго Иеродиакона Иону, и чтоб де с означенных листов списать, о том де он Иона ево, Радышевского, не прашивал, только де обещался он Иона отдать те листы Архимандриту Троицкому»^[1].

Целью полемического сочинения Радышевского было доказать, что различия между греко-российской и латинской церквями были отнюдь не так незначительны, как это пытались представить французские богословы. Главным лейтмотивом трактата была мысль о том, что не русская церковь, которая на протяжении многих веков оставалась верной апостольскому преданию и постановлениям вселенских соборов, сохраняла чистоту догматов православного вероучения, была виновна в разделении, а латинская, которая самовольно вводила новшества в древние установления и обряды, производила изменения важнейших догматов, нарушая церковное единство: «не мы разорители, но противная сторона».

В трактате Радышевского подробно характеризовались три основных блока идейных расхождений между западной и восточной церквями. Вначале перечислялись различия в понимании и совершении таинств и обрядов. При этом критике автора подверглись такие новшества латинской церкви, как поливательное крещение, употребление опресноков на евхаристии, искаженное учение о времени пресуществления Св. Даров, безбрачие духовенства, отвержение постов, учение о чистилище, самовольное введение

новых обрядов (индульгенции, самобичевания), почитания новых, непризнанных святых и ложных мощей и др.

Во второй части сочинения давалась критика латинского учения о римском папе как прямом наследнике св. апостола Петра и первого наместника Христа и опровергалось мнение сорбонских богословов о папе как о центре будущего соединения церквей. В третьей части трактата велась полемика с латинским учением о «филиокве».

Сложные богословские вопросы подавались автором в максимально доступной и понятной для восприятия широкой российской аудиторией форме. В трактате проявилось незаурядное художественное мастерство Радышевского — остроумного и яркого полемиста, разоблачающего приемы лицемерной католической пропаганды.

Весь трактат строился на антитезе греко-российской церкви и церкви латинской, в основе которой лежало противопоставление двух противоположных типов человеческой личности. Если восточная церковь на протяжении всего повествования характеризовалась как «святая», «чистая», «непорочная», «неповинная ни в чем», «в простоте сердца» содержащая все «преданная себе, издревле введенное», сохранившая все древние догматы «ненарушимо и невредимо», «столп и утверждение истины», то латинская церковь (а точнее, «костел», ибо автор избегал называть ее церковью) — во всем виновная, «крайним ленивством» объятая и «на ложи неисправления нимало» возлежащая, безумная, прельщенная высокоумием и гордостью, содержащая в себе глубокие несогласия, распри, слепоту, наполненная «суетными мудрецами», мыслящими о себе высокая, но имеющими лишь «внешнюю, мирскую премудрость», «мудрость века сего», самовольно добавляющая или отнимающая что-то у древних догматов и церковных уставов.

В качестве приемов полемики с римской церковью автор часто использовал образные аналогии и параллели. Так, упрекая «сорбониан» в том, что те «зовут и нудят» русскую церковь к себе в соединение, а сами не желают и шагу сделать для исправления своих заблуждений, автор уподоблял их некоему московскому жителю, который желая быть в Иерусалиме, сидел в Москве в доме своем, ничего не приготовив к путешествию, или человеку, который лежа «от крайней лености на кровати» и не стремясь творить добро, в то же время «уповал сам спастися и к сицевой лежне и иных <...> еще звал и глаголал: буде хоцещи спастися, то и ты так лежи, как лежу я на кровати и добродетели не твори никакой, но токмо желай лежа спасения и тако спасешися».

Содержание трактата М. Радышевского со всей убедительностью свидетельствует о том, что консервативно-православная оппозиция (вопреки мнению некоторых историков) и в конце 1720-х гг. не видела серьезных перспектив в сотрудничестве с католиками и, напротив, решительно отвергала всякий возможный союз с латинской церковью. Объективно трактат М. Радышевского против «сорбониан» не противоречил политике пришедшей к власти весной 1730 г. императрицы Анны Иоанновны, которая

решительно пресекла планы католической миссии в России по соединению церквей. В августе 1731 г. Жюбе получил предписание покинуть Россию, что он и сделал в начале 1732 г.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Гуминский Виктор Мирославович,
д.ф.н., проф., гл.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

«БЕДНАЯ ЛИЗА» КАК МАНИФЕСТ НОВОЙ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У «Московского журнала» (в июньском номере за 1792 г. была напечатана «Бедная Лиза» за подписью «БЛ») было всего 39 подписчиков (Москва: 20; СПб.:5; Тула: 2 и т. д.), разошлось 274 комплекта журнала. В 1794 «БЛ» в составе «Моих безделок» (дважды переизд. в 1796, 1797). В 1801-1803 «МЖ» полностью переиздан и т. д. «БЛ» «зачитывали до дыр» - невероятный успех.

Сакральный локус. Точка обзора (панорамы) Москвы: «место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си[монова] монастыря» («готический» в «ПП»). Весна и «мрачные дни осени»: «Страшно веют ветры в стенах опустевшего монастыря...», «развалины гробных камней...» и т. п. Два обреченных монаха, два изображения чудес на монастырских воротах и т. п. «Печальная история» прошлых времен и т. п. Попранная и оставленная святыня. Монастырь упразднен Екатериной II в 1771 г. Реальная история монастыря: прп. Сергей, Святой (Сергиев) пруд (выкопан прп. Сергием), главная реликвия — икона Тихвинской Божией Матери (прп. Сергей благословил блгв. Димитрия Донского на Куликовскую битву), гробницы Пересвета и Осляби, прп. Кирилл Белозерский, свт. Иона и т. п. (В «БЛ» об этом ничего не говорится. Только: «Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю...» и т. д.). Восстановлен в 1795 г. (А. Мусин-Пушкин).

Литературный локус. Образ автора («я»), любителя «новых приятных мест» в окрестностях Москвы и т. п. «Но всего чаще привлекает меня к стенам Си[монова] монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы». Несчастливая любовь. Суицид в мировой литературе. Платон («Федон»), Лукреций («О природе вещей»), Сенека («Нравственные письма к Луцилию»), Д. Юм («О самоубийстве»), И. Кант («Метафизика нравов») и т. д. Шекспир («Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульета»), Руссо (версия о самоубийстве), Гете (попытка самоубийства). «Сентиментальный роман в письмах» (1774). Синдром Вертера. Суицид и православие (грех убийства и отчаяния). Лишение отпевания перед погребением. Погребение за пределами сакрального локуса.

Бедная Лиза и самоубийство. Смерть матери. Эраст (читатель и т. п.). Ангел-хранитель. Лиза в разных редакциях повести. Прощение героев. Переоценка ценностей. Литературная аксиология. «Бедная Лиза» и «Бедные люди». Самоубийцы в русской литературе (Катерина в «Грозе», Анна Каренина и т.д.). «Святая» литература.

Виноградов Игорь Алексеевич,
д.ф.н, с.н.с. ИМЛИ РАН. Москва

СБОРНИК ГОГОЛЯ «КАНОНЫ И ПЕСНИ ЦЕРКОВНЫЕ» (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ)

Доклад посвящен самому обширному из всех сохранившихся рукописных сборников Гоголя (включая сборники по истории, географии и фольклору). Это несколько тетрадей собственноручных выписок Гоголя из Минеи месячной — церковно-богослужебной книги, состоящей из двенадцати томов, в которой содержатся службы святым и праздникам на каждый день года по порядку месяцеслова. Сборник озаглавлен «Каноны и песни церковные». Он состоит из 225-ти разделов и составляет 9 а. л. (сама рукопись занимает более ста листов убористого текста). Как явствует из содержания тетрадей, Гоголь прочел Минею за полгода: с сентября по февраль.

Впервые сборник Гоголя был опубликован в 1994 г. (см.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 8. С. 563–758; см. также: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 9. 165–419). Он был приобретен в 1919 г. для Пушкинского Дома у писателя В. П. Авенариуса Б. Л. Модзалевским. О существовании гоголевского сборника стало известно в 1938 г. благодаря описи рукописных фондов Пушкинского Дома, составленной Б. П. Городецким (*Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 438). Городецкий датировал выписки очень приблизительно — периодом с 1836 по 1849 гг. В настоящее время выдвинуто предположение, что сборник составлен Гоголем в Ницце зимой 1843/44 г. Между тем есть основания датировать сборник еще более точно, и другим периодом.

Основанием для новой датировки служит особая последовательность выписок. Составлять выписки Гоголь начал с января (с 9-го числа ст. ст.), затем оставил этот том и дальнейшие выписки стал делать из Минеи декабрьской, потом опять вернулся к январю (к 1-му числу ст. ст.), прочел Минею за февраль, а впоследствии обратился к службам осенних месяцев — сентября, октября и ноября. До настоящего времени не было обращено внимания на то, что порядок выписок сборника «Каноны и песни церковные» совпадает с последовательностью тридцати шести аналогичных выписок

Гоголя из богослужбной Минеи, находящихся в его записной книжке 1841–1845 гг. (атрибутировано впервые). Первая выписка сделана из службы 15 января (ст. ст.); затем следуют выписки из служб декабря; далее Гоголь вновь обращается к январю; последние выписки сделаны из Минеи октябрьской.

Такая последовательность выписок — и в сборнике, и в записной книжке — наводит на мысль, что Гоголь пользовался служебной Минеей январских месяцев в тот период, когда эта книга была нужна в храме за богослужением, а потому Гоголь должен был прерываться, возвращать январскую минею и делать в это время выписки из другого — «свободного» — декабрьского тома. В Ницце, где Гоголь начал работу над книгой о Литургии, найти церковнославянские богослужбные книги годового круга было, вероятно, затруднительно, почти невозможно (православный храм появился в Ницце только в 1858 г.). Следует искать другое место за границей, где был в то время православный храм, который Гоголь мог посещать в январские дни. Единственным таким местом, отвечающим этим условиям, является Париж, где в январе 1845 г. Гоголь, по его собственным словам, «провел <...> три недели совершенным монастырем» и «в редкий день не бывал в нашей церкви», — и при этом «не оставался без русских книг», которые пришлось ему «по состоянию души» (письмо к Н. М. Языкову от 12 февраля (н. ст.) 1845 г.).

Настоятелем православной церкви при русском посольстве в Париже был тогда протоиерей Димитрий Вершинский. По-видимому, предоставив сначала Гоголю возможность ознакомиться с январской Минеей, о. Димитрий для продолжения службы взял у Гоголя этот том, дав ему взамен Минею декабрьскую, а по истечении января Гоголь вновь получил возможность обратиться к январскому тому. Это предположение позволяет точно датировать начало составления Гоголем сборника «Каноны и песни церковные» 14/26 января 1845 г. В этот день, после воскресной обедни, протоиерей Димитрий Вершинский, вероятно, дал Гоголю том январской Минеи, с просьбой вернуть книгу к следующему вечернему богослужению (возможно, к вечеру понедельника, 15/27 января, или к утру вторника, 16/28 января, — когда совершалась всенощная служба поклонения честным веригам св. апостола Петра). Получив книгу, Гоголь, вероятно, за воскресный вечер и в течение понедельника сделал из нее две выписки: из служб 9 и 15 января (ст. ст.). Предположительно, после возвращения в назначенный срок январской Минеи, Гоголь получил от отца Димитрия, взамен, Минею декабрьскую — и продолжил свои выписки. Завершены были выписки не позднее 28 февраля (н. ст.) 1845 г. На следующий день утром Гоголь покинул Париж.

Косвенно предложенная датировка сборника «Каноны и песни церковные» подтверждается расположением в записной книжке Гоголя упомянутых выписок из Минеи. Им непосредственно последует выписка из книги «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844) (выписка использована позднее Гоголем при

написании статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» в «Выбранных местах из переписки с друзьями»). До приезда в Париж 14 января (н. ст.) 1845 г. книгой «Выходы Государей Царей и Великих Князей...» Гоголь не располагал.

Опытом изучения церковной поэзии по богослужебным Минеям прямо отзываются слова Гоголя в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» «Переписки с друзьями»: «Другие дела наступают для поэзии. <...> Еще доселе загадка — этот необъяснимый разгул, который слышится в наших песнях, несется куды-то мимо жизни и самой песни, как бы сгораемый желаньем лучшей отчизны, по которой тоскует со дня создания своего человек. <...> Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм — рождение верховной трезвости ума, — который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчетно возносит дух поэта, как безотчетно подмывают его сердце родные звуки нашей песни». — По мере заполнения тетрадей «Каноны и песни церковные» Гоголь нумеровал свои выписки римскими цифрами. В этом отношении оформление сборника полностью совпадает с оформлением сборников народных песен, записанных Гоголем.

В 1848 г., вернувшись в Россию из-за границы, Гоголь писал П. А. Плетневу о работе над вторым томом «Мертвых душ»: «Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка». Можно предположить, что сходным стремлением не нагрешить «противу языка» — и для того «назвучаться» церковнославянскими «звуками и речью» — отчасти и объясняется появление сборника «Каноны и песни церковные», составленного в тот период, когда Гоголь намеревался сделаться духовным писателем в собственном значении этого слова. Другая важная причина появления выписок — работа над «Размышлениями о Божественной Литургии». В то время Гоголь тщательно изучает богослужение, в круг его чтения входит даже текст Литургии на греческом и латинском языках (в архиве писателя сохранился ряд рукописей с чином Литургии св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста, в том числе автографов). При таком пристальном внимании Гоголя к богослужебным текстам, к их содержанию и смыслу, становится понятным и его обращение к печатным текстам канонов, не всегда отчетливо воспринимаемых со слуха в храме.

*Монахова Ирина Рудольфовна,
член Союза писателей России, Москва*

ДУШЕПОЛЕЗНЫЕ ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ

Религиозно-нравственная тема занимает значительное место в творчестве Гоголя. Это касается не только его произведений («Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной Литургии»), но и писем к родственникам и друзьям. Он призывал их развиваться духовно, чтобы стать христианами не только по крещению, но и по существу, по их жизни. А это возможно, только если руководствоваться христианскими заповедями повсеместно в своей повседневной жизни по отношению к каждому человеку и «призвать Христа к себе в дома», как писал Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь давал своим адресатам конкретные советы, как этого достичь.

Отрывки из таких писем, неизвестные широкому кругу читателей, стали содержанием книги «Что может доставить пользу душе» (М., Изд-во «Старклайт», 2006; М., Изд-во «АБВ», 2014), составителем которой я являюсь. Идея такого издания принадлежит самому Гоголю и была им высказана в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» в

пункте V Завещания: «Возлагаю <...> обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а всё прочее, служащее для пустого развлечения, отвергнувши, издать отдельною книгою».

Завещание было написано Гоголем, по-видимому, во время его болезни в 1845 году и опубликовано в «Выбранных местах...» в 1847 году. При создании этой книги Гоголь использовал некоторые из своих писем к друзьям. Таким образом, он, казалось бы, сам выполнил соответствующий пункт своего завещания. Однако это не совсем так. Книга не стала в буквальном смысле собранием фрагментов из писем. Для ее создания была использована лишь небольшая часть переписки Гоголя. Тексты при этом значительно перерабатывались и дополнялись. Несколько статей было написано специально для книги. Некоторые главы, по-видимому, основаны на письмах, которые до нас не дошли. За рамками книги осталось множество других писем Гоголя на религиозно-нравственную тему, которые тоже «могут доставить пользу душе».

Душеполезные письма Н. В. Гоголя — это, по существу, проповедь, направленная на преображение жизни в духе христианского идеала. В то же время это своеобразный пример религиозной философии, главная особенность которой — практический подход к пониманию и осуществлению в жизни религиозных заповедей. Своего рода «практическое христианство» (по выражению В. В. Зеньковского). По убеждению Гоголя, духовный рост каждого человека и благотворное воздействие его на окружающих необходимы для прогресса всего общества в целом.

Таким образом, эти скромные и не претендовавшие на массовый успех у читателей тексты оказываются не менее ценной частью духовной прозы Гоголя, чем «Выбранные места...». Эти тексты должны быть более широко известны массовому читателю, чем обычно бывает известна личная переписка выдающихся писателей, и они должны перейти из жанра эпистолярного наследия в жанр проповеднической литературы. Если эпистолярным наследием классиков интересуются редкие ценители, то проповедь обращена к любому человеку.

Основная проблема, которую стремился решить Гоголь (вернее, сделать всё возможное для ее решения) — это недостаток христианизации жизни. Христианство, хотя и принято обществом, но недостаточно воплощено в повседневной жизни человека и в нем самом, в его качестве. Гоголь очень остро чувствовал эту проблему всю жизнь и считал ее главной.

*Елушич Сениша,
д. ф. н., проф., зав. кафедрой,
Университет Черногории, ФДУ,
Цетинье, Черногория*

МЕТАФИЗИКА А. П. ЧЕХОВА: ХРИСТИАНСТВО, ГНОЗИС, НИГИЛИЗМ

В своем докладе начинаю с критического исследования мнения Николая Бердяева: «Оно (правдоискательство, —С.Е.) и Чехова делает писателем религиозной серьезности, *несмотря на опустошенность его сознания и вульгарность его сознательных взглядов...*»

Характерно, что Бердяев идентифицирует вне литературного предложения (Чехов как личность / Его Чехова) с предложениями его литературного текста, которые конститутивны для имманентной семантики текста.

На примерах некоторых рассказов А.П. Чехова, доказываем присутствие метафизического уровня текста, который существует в различных между собой не согласованных семантических вариантах. Особенно характерно присутствие различных семантических уровней в структуре одного и того же текста. Эта семантическая полифоничность привносит особенную художественную ценность в литературный текст А.П. Чехова.

В докладе интерпретируется синхронное присутствие трех метафизических уровней текста:

1. Христианского 2. Гностического 3. Нигилистического, которые превосходно интерпретируются на примерах рассказов «Черный монах», «Скучная история», «Студент», «Гусев» и «Архиерей». Методологический принцип интерпретации есть герменевтический (философия / теология) и глубинно «архитипский» (теория символа К.Г. Юнга).

*Щербакова Марина Ивановна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. Отделом русской классической литературы
Института мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук*

КОРРЕСПОНДЕНТЫ АРХ. АНТОНИНА (КАПУСТИНА) 1865–1894 гг.*

В июле 1865 г. в Русскую духовную миссию на Святой Земле был направлен арх. Антонин (Капустин). До конца жизни он оставался на посту начальника Миссии, заложив основу Русской Палестины с ее земельными участками на Елеоне, в Айн-Карем, в Хевроне, Иерихоне, на которых им были устроены храмы, приюты, лечебницы, школы, библиотеки, сады и проч. Здесь же, в Иерусалиме, в русской Вознесенской церкви на вершине Елеонской горы арх. Антонина, согласно завещанию, похоронили в марте 1894 г.

Круг корреспондентов арх. Антонина в Иерусалимский период был широк. Его составляли знаменитые иерархи - Иннокентий (Борисов), Порфирий (Успенский), Филарет (Филаретов), Сильвестр (Малеванский), Макарий (Булгаков), Феофан (Говоров), Антоний (Вадковский), протоиереи Серафим Серафимов, Димитрий Разумовский, Петр Лебединцев; известные своими трудами в области археологии, истории, нумизматики ученые - академик А. Ф. Бычков, И. В. Помяловский, А. С. Норов, А. Н. Муравьев, И. И. Толстой, профессора Духовных академий, монахи афонских монастырей и скитов и многие другие. Как правило, это были блестящие ученые во всех областях: церковной истории, права, богословия, этнографии, палеографии, языкознания... Их многолетнюю переписку с арх. Антонином питали общие интересы, связанные с Востоком, с церковной археологией, библейской историей.

В XIX в., с развитием эпистолярной культуры, письма переставали быть только средством связи; они превращались в хронику новостей, достопримечательных событий, в комментарий к ним, со своими неповторимыми стилистическими особенностями, дополнявшими портреты авторов яркими штрихами.

Письма, адресованные арх. Антонину как начальнику РДМ, представляют богатейшую панораму культурно-исторической, идейно-политической, религиозной жизни России этого периода. Для современных исследователей это фундаментальный источник материалов по истории русской словесности, патрологии, культуры, духовного и светского образования.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Мельникова Софья Владимировна,
к. ф. н., доц., гл. н. с.,
Иркутская областная государственная
универсальная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского,
доцент, Иркутский государственный
университет, Иркутск*

**ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
ОПЫТ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ***

Формирование оригинальной сибирской литературы началось достаточно поздно, в XVII столетии, и у ее истоков, что является признанным в науке фактом, обоснованным еще в советском литературоведении, лежала церковная словесность (прежде всего, сочинения

Тобольского архиерейского дома). Как следствие, сибирскую духовную литературу начального периода, XVII-XVIII вв., отличает высокая степень изученности и полноты библиографического описания.

Однако из концепции дальнейшего, в XIX в., развития региональной культуры и литературы духовная ее составляющая была фактически исключена, будучи вытесненной в интерпретациях ученых и, соответственно, в читательском сознании такими явлениями и влияниями, как, например, творчество декабристов или областников.

Вместе с тем в Сибири не только XVIII, но и XIX в. духовенство составляло почти половину всего образованного и «пишущего» населения, за счет сочинений которого во многом и формировался корпус оригинальных сибирских текстов (например, до 40% такого доминантного жанра местной литературы, как путевые заметки). При этом особенно активно в XIX в. творческий процесс протекал в Восточной Сибири, религиозное просвещение которой на рубеже XVIII-XIX вв. только начиналось. Духовным и культурным центром являлся Иркутск, где развивалась местная агиография нового времени (в ее основе – почитание святителей Иннокентия и Софрония); миссионерская литература, представленная как сочинениями проповеднического и катехизаторского характера, так и мемуарами; церковная публицистика («Иркутские епархиальные ведомости» начинают выходить в 1863 г., первыми в Сибири); переводческая деятельность. Сочинения духовного характера создавались не только представителями церкви, но и светскими людьми, близкими православной среде. Например, один из лучших иркутских духовных поэтов, Ст. Ст. Попов принадлежал к купеческому сословию.

Очевидно, что эта богатая литературная традиция нуждается в осмыслении и изучении. Одна из возможных форм «введения» в тему – создание биобиблиографического словаря духовных писателей. Словарная форма позволит обобщить и систематизировать уже накопленный по данному вопросу материал, очерчивая тем самым, хотя бы в первом приближении, границы восточносибирской духовной литературы и создавая базу для дальнейших исследований.

В докладе рассказывается об опыте подготовки такого словаря. На данный момент словник включает уже порядка 90 имен авторов второй половины XIX в., среди которых: прот. П. Громов, архиеп. Нил (Исакович), еп. Герасим (Добросердов), архиеп. Вениамин (Благонравов), прот. А. Виноградов, еп. Дионисий (Хитров), купец С. Попов, публицист Д. Хрусталеv и др. Но этот круг может быть существенно расширен.

Теоретическая основа исследования – опыт аналогичных, прежде всего, дореволюционных изданий (словарь митроп. Евгения (Болховитинова), обзоры духовной литературы архиеп. Филарета (Гумилевского) и др.). Не выдерживающие критики с точки зрения современной научной методологии, эти издания не утратили актуальности в вопросе определения сущности и границ духовной литературы – основного критерия в отборе материала.

В советское время публикация и изучение духовной литературы были прерваны. В библиографии сочинения духовенства могли быть отражены только в справочниках общего характера (например, мемуары вошли в фундаментальную «Историю дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под ред. проф. П.А. Зайончковского). Специальные исследования возобновились только в 1990-е гг. На данный момент есть все основания говорить о возрождении отечественной библиографии в религиозной и церковно-исторической предметной области.

*Доклад подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00434

*Крючкова Тамара Александровна,
к.и.н., гл. специалист,
Иркутская областная государственная
универсальная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского, Иркутск*

ИРКУТСКИЙ И КАМЧАТСКИЙ ПРОТОИЕРЕЙ П.В. ГРОМОВ КАК ДУХОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК И ЖУРНАЛИСТ*

Сибирская духовная литература XIX в. — самобытное и яркое историческое, культурное и эстетическое явление, которое, однако, пока не получило ни своего научного осмысления, ни читательского признания. Одно из ключевых имен в этой, еще не написанной истории — имя протоиерея Прокопия Громова, представителя образованного сибирского духовенства, выпускника МДА, сподвижника святителя Иннокентия (Вениаминова), члена ВСОИРГО, первого редактора «Иркутских епархиальных ведомостей», церковного историка, мемуариста, агиографа.

П.В. Громов, будучи потомственным священнослужителем Иркутской епархии, являлся выдающимся архивистом. Он, тщательно изучая церковные архивы Камчатской и Иркутской епархий, собрал огромный материал, который лег в основу его многочисленных сочинений. Назначенный в 1863 году первым редактором «Иркутских епархиальных ведомостей», он опубликовал на их страницах не одну сотню статей.

В докладе обосновывается роль Громова как архивиста, одного из первых историографов Камчатской и Иркутской епархий, а также основателя восточносибирской духовной журналистики. Рассказывается об его роли в формировании местной агиографии Нового времени. Отдельное внимание уделяется мемуарным сочинениям, в которых наиболее ярко проявляется собственно литературный талант автора.

Рассматриваются основные сочинения Прокопия Громова («Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский» (1868), «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии

Московском» (1879), слова и речи, статьи исторического и публицистического характера и проч.).

Очерк о протоиерее Прокопии Васильевиче Громе станет одним из центральных в готовящемся Иркутской областной универсальной научной библиотекой «Биобиблиографическом словаре духовных писателей Восточной Сибири XIX – начала XX вв.», однако его творчество заслуживает дальнейшего монографического изучения.

*Доклад подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00434

*Богданова Татьяна Александровна,
к.и.н., доктор церковной истории,
ОР РНБ, Санкт-Петербург*

ВОПРОСЫ МЕЖЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРЕПИСКЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА И. Л. ЯНЫШЕВА*

Доклад находится в русле занятий темой — русское православное духовенство при посольских церквях в Западной Европе[2]. Протопресвитер И. Л. Янышев (1826–1910) принадлежит к ярчайшим представителям этой группы. В 1851–1856, 1858–1864 г. он состоял священником в Висбадене и Берлине. В истории русских заграничных духовных миссий Западной Европы это время наиболее интересно и продуктивно: личностями священнослужителей, разнообразной их деятельностью. По возвращении в 1866 г. в Россию Янышев сделал незаурядную карьеру, 17 лет состоял ректором СПбДА и профессором по кафедре нравственного богословия, с 1883г. и до кончины был духовником Императорской фамилии.

Его служение за границей, научная деятельность и, наконец, близость к Императорскому дому, несомненно, влияли на его церковно-общественное служение, в частности – по межцерковному единению, создав ему громадный авторитет в России и за границей.

В архиве Янышева (ОР РНБ. Ф. 1193) переписка с русскими и иностранными корреспондентами по вопросам воссоединения старокатоликов с православием занимает центральное место. Наибольший интерес представляет переписка с секретарем старокатолической комиссии генералом А.А. Киреевым за 1874-1909 (106 писем Янышева и 176 Киреева). В «Материалах к истории старокатолического вопроса в России. Письма протопресвитера И.Л. Янышева и генерала Киреева» (СПб., 1912) опубликованы 10 писем Янышева (1893-1895), причем в его архиве они отсутствуют.

Переписка двух главных участников старокатолического вопроса по сути представляет внутреннюю историю его развития в России, содержит сведения о непрекращающемся все эти годы общении с деятелями старокатолицизма, обсуждении с ними догматических и иных вопросов, о

немногих сторонниках и гораздо более многочисленных противниках старокатолицизма в России, об отношении к этому вопросу Греческой православной церкви и отдельных ее представителей, суждения о том, почему объединения в те годы не состоялось.

Одну из причин А.А. Киреев усматривал в отрицательном отношении к этому вопросу «высших церковных сановников», и, прежде всего обер-прокурора К.П. Победоносцева. В одном из писем Киреев передавал содержание своего разговора с обер-прокурором и приводил его слова: «*Не понимаю о чем И.Л. Янышев и Вы толкуете? <...> Вы фанатик и строите всю свою аргументацию на предположении существования никому не известной древней вселенской церкви. Такой церкви я не вижу и не знаю, есть наша церковь, русская, православная церковь, хотя ст.католики соединиться – очень рады, пошлите им чин присоединения!*». По мнению А.А. Киреева, старокатолический вопрос «*явился для нас слишком рано; ...в данную минуту, при нынешних наших силах нам его не понять и не поднять.*»

Особенный интерес представляют сведения об издании с 1893 г. международного церковного журнала «*Revue Internationale de Théologie*» под ред. профессора Бернского университета Е. Michaud (в переписке Мишо), близкое участие в издании которого принимал А.А. Киреев, постоянно консультировавшийся с И.Л. Янышевым по вопросам публикации тех или иных статей (например, публикации в журнале статьи В.В. Болотова о Filioque без указания имени автора, что Янышев поставил непременным условием публикации). Можно сказать, что журнал дал толчок появлению полемических выступлений (в России и за границей) настоятелей русских заграничных церквей: прот. А.П. Мальцева (Берлин), прот. Е. К. Смирнова (Лондон), а в России в полемику включились профессора духовных академий А.Ф. Гусев, В.А. Керенский и иные.

По переписке можно судить, как И. Л. Янышев фактически «курировал» старокатолический вопрос, нередко сдерживая и направляя А.А. Киреева, выступая, по признанию его, «миротворцем». В одном из писем Кирееву по поводу резкой оценки старокатоликами статей берлинского прот. А.П. Мальцева Янышев просил Киреева повлиять на редакцию журнала «*Revue Internationale de Théologie*»: «*...если найдут его несогласным с их воззрениями, пусть спокойно, снисходительно и вполне миролюбиво (без иронии, без мысли о чьем-либо невежестве или недомыслии) скажут в своем Revue, как они понимают дело с точки зрения древней неразделенной церкви 7-ми вселенских соборов; чтобы мысли о infériorité[3] сравнительно с другими учеными совсем и не было при этом обсуждении; журнал – не для ученых состязаний основан, а для взаимных объяснения в духе мира и любви на обще для всех почве древней церкви. Вы знаете, как не легко русскому священнику выступать с публичным словом о своей церкви пред Европою; умеете же поощрить тех, которые рискуют выступать на это поприще и высказать свои мысли о верованиях своей Церкви».*

* Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

Крутова Марина Семеновна,
д.ф.н., гл. палеограф ОР РГБ, Москва

ВОСПОМИНАНИЯ РУССКИХ МОНАХОВ, СОВЕРШИВШИХ ПАЛОМНИЧЕСТВО НА АФОН И СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ОР РГБ)*

Святая Земля и Афон всегда привлекали паломников, и многие из них оставляли свои воспоминания о том, каким святыням они поклонялись и какие их при этом переполняли чувства. Не были исключением и паломники XIX в.

Воспоминания о паломничестве на Святую Землю написаны как известными деятелями Русской Православной Церкви, такими, как епископ Порфирий (Успенский), святитель Феофан Затворник, архимандрит Леонид (Кавелин), архимандрит Антонин (Капустин), так и простыми иноками - пустынножителем схимонахом Селевкием, иноком Парфением, иеромонахом Иеронимом (Сухановым), иноком Святогорцем (Весниным), иноком Варнавой, схимонахом Серапионом и мн.др. Интересно провести сравнение маршрутов этих паломничеств, а также выявить общее и различное в восприятии одних и тех же святых мест разными авторами.

Все авторы отличаются не только высокой духовностью и благочестием, но и, что важно отметить, любовью к России.

Для анализа были выбраны только те воспоминания, которые хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и датируются XIX в. Особое место среди них занимает «Книга странствий в Иерусалим и гору Афонскую в 1858 и 1859 гг.» иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова), проиллюстрированная большим количеством авторских рисунков.

По-разному может быть оценено мастерство владения пером, красота слога авторов этих записок. Но ценность их для нас очевидна и заключается, прежде всего, в том, что они, являясь образцами духовной словесности, расширяют наши представления о литературном процессе России в XIX в.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

Кебара Ненад,
к.ф.н., докторант, главный редактор,

МИФОПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОГО МИРА «БОБКА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

На примере повести «Бобок» Ф.М. Достоевского мы показываем, каким образом, в повествовательном произведении замечательного создателя, мир реальных фактов, благодаря мифопоэтическому подходу делается странным и превращается в стабильный мир духовных явлений, освещающих семантической обратной связью мир из фактов, из которых он возник. Оба этих мира вместе представляют собой одну общую литературную реальность, наполовину осуществляемую ими, но чья самая элементарная семантика создана в предыдущей вторичной символизации культурного пространства и читается, как и любой написанный текст. Удивление и странность являются важной общей чертой мифического мира и мира литературы, при условии, что определение любого мифического содержания в литературном использовании зависит от художественной функции, назначенной ему, но одновременно не являющейся характерной и для этой странности, в зависимости от стилистических и композиционно-структурных особенностей в отдельности и в целом литературного текста. Странность и исключительность представляют собой исходную особенность мифического мира, которая в несколько ином виде воспроизводится в мире литературного произведения, иногда в качестве обыденности реального на необычном месте, а во второй раз как странность на месте обыденных и ожидаемых явлений. В то же время контраст явления и контекста имеет решающее значение для всей семантики литературного произведения. Кроме контраста, который сам себя выделяет, появляется одно внутреннее свойство мифа, а это — отсутствие антагонизма, то есть, примирение несовместимости, и это приводит к выравниванию двух различных видов мира в повести Достоевского, мира живых и мира мертвых. Встреча и уравнивание миров, на символическом уровне, может быть достигнуто только на духовном плане, в котором человек живет так же, как и в мире реальных событий.

*Сизова Ирина Игоревна,
к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЛЕГЕНДЫ И РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ XVIII ВЕКА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

(«ЛЕГЕНДА О РАЕ»)

Три сочинения Ивана Карамазова («Легенда о рае», «Великий инквизитор», «Геологический переворот») составляют своеобразную трилогию, объединенную смысловым и исполнительским типом повествования. Сосуществование в художественном времени этих эпизодов-новелл объясняется их общей целью: они связаны с религиозно-философской проблематикой романа темой «Какое веруеши али вовсе неверуеши?».

«Легенда о рае» развивает тему бессмертия. Сюжет ее выглядит так: был на земле один философ и мыслитель, «“все отвергал, законы, совесть, веру”, а главное — будущую жизнь. Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, а перед ним — будущая жизнь. Изумился и вознегодовал: “Это, говорит, противоречит моим убеждениям”». Присудили его, чтобы он прошел во мраке квадриллион километров, и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворят райские двери и все простят. «Осужденный на квадриллион постоял, посмотрел и лег поперек дороги: “Не хочу идти, из принципа не пойду!”». Пролежал почти тысячу лет, а потом встал и пошел. Что же вышло, когда дошел? «А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд, воскликнул, что за эти две секунды не только квадриллион, но и квадриллион квадриллионов пройти можно». «Словом, пропел “осанну”, да и пересолит, так что иные там, с образом мыслей поблагороднее, так даже руки ему не хотели подать на первых порах: слишком уж стремительно в консерваторы перескочил. Русская натура» (*Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., т. 15. М.: Наука, 1976, с. 78–79*).

Употребление термина «легенда» в данной новелле связано с развитием образа Ивана и подчеркивает богоборческий характер этого образа. В основу своего сочинения герой кладет религиозную тематику — тему бессмертия, само же развитие темы принимает насмешливый, ироничный, сатирический оттенок, что снижает высокий пафос традиционной религиозно-назидательной легенды и превращает ее в пародию.

Исследование жанрового своеобразия «Легенды о рае» в связи с развитием проблемы бессмертия и образа Ивана доказывает наличие общих жанровых признаков, которые соотносят указанное сочинение героя с апокрифической легендой и русской демократической повестью XVIII в.

Жанровые черты апокрифической легенды таковы: этическая концепция посмертной судьбы человека, темы посмертного воздаяния за грехи, рая и ада; дихотомические оппозиции — «этот мир / иной мир», «конечное / вечное», «праведник / грешник». С демократической повестью XVIII в. «Легенду о рае» сближают сатирически сниженная трактовка этической концепции посмертной судьбы человека, понятий о покаянии и внутренней борьбе с грехом; пародия как элемент сатиры; характерные для произведений этого жанра композиционный прием несоответствия, противоречия между высокой формой церковных текстов и низким содержанием пародии; снижение образов главного героя и очевидца событий и общие композиционные элементы — неожиданность сюжетных ходов, троекратность действия, традиционные зачины.

*Зинкевич Татьяна Евгеньевна,
вед. архивист, ОР РГБ, Москва*

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РГБ)*

В Отделе рукописей РГБ находятся интересные рукописные источники XIX в., в которых описывается история Болгарии. Судьба болгарского народа всегда привлекала внимание разных представителей русского общества, поскольку братский славянский народ, который с XIV в. вел героическую борьбу против турецких завоевателей на протяжении пяти столетий, вызывал сочувствие и симпатию российской общественности. Были организованы научные экспедиции по славянским территориям Османской империи такими выдающимися русскими учеными, как Ю.И. Венелин (1831 г.) и В.И. Григорович (1844–1845 гг.), внесшими огромный вклад в возрождение болгарской культуры.

Интерес к истории Болгарии проявили и военные. Об этом, в частности свидетельствует сохранившийся в ОР РГБ документ, составленный в 1831 г. полковником Генштаба Иван Петрович Липранди. Будучи в Болгарии накануне Русско-турецкой войны, он составил своему руководству «Краткое извлечение из составившегося Историческим и Географическим Описаниям Болгарского Царства в Мизии с присовокуплением настоящей статистики и пр.»[4]. Важно отметить, что это не просто официальный документ, а одновременно и историческое сочинение, написанное автором, прекрасно владевшим литературным слогом.

И.П. Липранди в главе «О происхождении Болгар» также упоминает о существовании разных мнений по вопросу возникновения болгарского народа, в частности говорит, что «называли их народом Готфским, Сарматским, Скифским, Германским, Славянским»[5]. И.П. Липранди придерживался мнения, что «в конце VII столетия, когда Дунайские Болгары основали славное Царство свое в Мизии и Фракии и, покорив обитавших там Славян, смешались с ними, <...> сделались народом Славянским»[6]. Полковник Липранди описывает создание ханом Аспарухом Первого Болгарского царства, делая акцент на его военных победах над греками: «Известие о прибытии Аспаруха и основание Царства близ границ Империи при Дунае было весьма неприятно Константину (Пагонату)»[7], и он, «едва окончив дела с Сарацинами»[8], стал готовить свои сухопутные войска и флот к сражению с Аспарухом. И.П. Липранди считал, что «первое появление столь знатнаго числа войск устроило Болгар и принудило их искать убежища в укреплениях своих. Но Греки с своей стороны, не отваживались также атаковать неприятеля в лагере, окруженном болотами»[9]. Император Константин, заболев, отплыл со своим окружением в Грецию, а его войско восприняло это, как побег, и пришло в замешательство, «сим допустили себя быть разгромленными в куски»[10].

Истории Болгарии посвящали свои сочинения и члены княжеских фамилий. Так, князь Николай Трубецкой в 1866 г. пишет сочинение «О болгарях»[11], в котором он охватывает период «со времени начала государства Болгарскаго до покорения онаго Греческим Императором

Иоанном Цимисхием». Рассматривая происхождение болгарского народа, князь Трубецкой пишет, что оно «покрыто мраком неизвестности»[12]. Он ссылается на армянского историка V в. Моисея Хоренского, повествующего о вторжении болгар с высот Кавказа в Армению, а также на греческих писателей XIV в., утверждавших, «что болгары были Скифского происхождения и обитали прежде близ реки Вулги (Волги), которую Арабские Историки называют Булгаром»[13]. Далее князь сообщает, что впервые болгары упоминаются в начале VI в. во время царствования императора Анастасия, когда «они, перешед чрез реку Дунай, опустошили Фракию и Иллирик»[14]. В 678 г. хан Аспарух покорил Мизию, «где жили многие славяне, основал сильное государство Болгарское между реками Днепром, Онгом и Днестром»[15].

Как видим, в сочинениях полковника Липранди и князя Трубецкого описано образование Первого Болгарского царства во главе с ханом Аспарухом.

Интерес, проявленный русскими авторами к истории Болгарии, отраженный в их сочинениях, свидетельствует о культурных и литературных взаимосвязях двух стран.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Романова Наталья Ивановна,
к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКИ 1875–1878 ГГ.

1. Реконструкция творческой истории романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», осмысление его художественного своеобразия, философской глубины невозможны без учета критических отзывов, начавших появляться в разнообразных периодических изданиях сразу после публикации первых же глав романа в «Русском вестнике». Они являются ценными историческими свидетельствами литературного процесса 1870-х гг. и позволяют увидеть, с одной стороны, высокий авторитет Толстого-художника у своих современников, который не оспаривался даже идейными противниками; с другой — раскрывают те требования, которые предъявлялись литературе, обязанной быть общественно значимой и изображающей злободневные вопросы своего времени. Подход к литературе с обязательным требованием общественного служения часто в ущерб художественности во много определил характер критических суждений об «Анне Карениной».

2. Новое произведение маститого автора вызвало многословную и довольно страстную по тону полемику, развернувшуюся на страницах как

столичных, так и провинциальных газет и журналов. Мнения о романе высказывались самые разнообразные, порой полярно противоположные: были отзывы откровенно хвалебные, довольно поверхностно касающиеся анализа произведения, лишь голословно воспевающие художественный гений Толстого; были отзывы и «ругательные», порой грубо высказывающие резко негативное отношение к роману. Суммируя суждения, можем сделать вывод, что «общее мнение» было не в пользу «Анны Карениной».

3. Отсутствие высокого нравственного начала как главный недостаток романа определил и резкость тона — осудительного — в отношении Толстого, и заметную шаблонность критических высказываний, многие из которых сводились к констатации факта: талант Толстого, отличающегося невероятной глубиной психологического наблюдения, мастерством реалистического повествования, позволяющего через точно подобранные детали наглядно увидеть изображаемое, тратится на пустое, даже пошлое содержание.

4. Отсутствие высокого духовного начала сказалось как на содержательном, так и на формальном уровне. Осуждение большинства рецензентов вызвала основная тема романа — любовная — как избитая, много раз освещаемая в произведениях русских писателей, как пошлая, поскольку в истории взаимоотношений Анны и Вронского увидели не любовь, а ничем не облагороженную страсть. Порицанию подверглись почти все герои романа как представители привилегированного сословия общества, жизнь которых сосредоточена исключительно в сфере личных и семейных отношений и далека от злободневных общественных вопросов. Так, рецензент «Сына Отечества» назвал Анну и Вронского «бесцветными и пустыми личностями» («Сын Отечества». СПб., 1875. № 106. С. 1), а Алексея Александровича «канцелярской машиной» («Сын Отечества». СПб., 1876. № 71. С. 2), критик «Биржевых ведомостей» отозвался об Облонском как о «заурядном типе московского чиновника, словно выхваченного из какого-нибудь водевиля Александринки» («Биржевые ведомости». СПб., 1875. № 42. С. 2).

Наконец, не вызвала одобрения и понимания философская идея романа, художественно воплощенная, как многим виделось, в истории Левина. Беспристрастному отношению к герою во многом мешала его близость к автору (Левина воспринимали именно как *alter ego* Толстого). Многих рецензентов возмущала философия Толстого своей узостью и ограниченностью: пропаганда семейных ценностей и христианское смирение и любовь к ближнему как смысл жизни казались тривиальной пошлостью и бегством от действительности.

5. Таким образом, роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» большинством был прочитан как один из многих великосветских романов, не рождающих серьезных размышлений, не возвышающих дух человека. Соответственно, он вряд ли оставит заметный след в истории русской литературы.

*Чудинов Дмитрий Александрович,
главн. хранитель фондов ОР РГБ, Москва*

ПЕРЕПИСКА РУССКИХ АРХИЕРЕЕВ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РГБ: ПИСЬМА ЕПИСКОПА ИАКОВА (КРОТКОВА) К АРХИЕПИСКОПУ САВВЕ (ТИХОМИРОВУ)*

Одним из наиболее важных исторических источников традиционно является эпистолярный жанр литературы, а именно переписка. На протяжении столетий этот вид эпистолярного жанра оставался единственной возможностью общения на больших расстояниях. Общение посредством писем связывало между собой людей, которые в силу разных причин не имели возможности общаться лично. Особую категорию этого жанра составляет переписка русских архиереев XIX столетия.

Как известно, русские архиереи синодального периода Русской Православной Церкви (XVIII – нач. XX вв.) не имели возможности покинуть пределы вверенной их попечению епархии без соответствующего предписания на то от Святейшего Синода. Поэтому их переписка представляет большой интерес для исследователей благодаря своей насыщенности разнообразными сведениями. Иерархи писали друг другу буквально обо всем: обменивались новостями разного масштаба, причем не только из духовной, но и из светской жизни, упоминая при этом как события государственного масштаба, так и более локальные вопросы, как, например, проблемы со здоровьем; обсуждали различные вопросы церковной жизни (например, перевод Священного Писания на русский язык, выход в свет богословских трудов, кадровые назначения и перемещения в духовной сфере и многое другое). Их переписка изобилует огромным количеством упоминаемых в письмах персон и сведений, зачастую неизвестных исследователям, что предоставляет богатейшую пищу для научных трудов, посвященных истории Православной Церкви XIX столетия.

В данной работе в качестве примера вышесказанного будут рассмотрены письма епископа Муромского Иакова (Кроткова) к архиепископу Тверскому Савве (Тихомирову), хранящиеся в личном архиве последнего, находящемся в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Фонд 262. Савва (Тихомиров). Архив). Оба корреспондента являются видными церковными деятелями описываемого периода. Епископ Иаков (Кротков) (1810–1885), выпускник МДА и ученик Московского митрополита Филарета (Дроздова) (1782–1867), стал церковным деятелем, которому поручались дела епархиального управления, требовавшие особой опытности и знаний. Он вошел в историю Русской Православной Церкви как основатель и первый председатель Общества любителей духовного просвещения, основатель московской и владимирской епархиальных библиотек, один из основателей московского Братства святого Николая. Епископ Иаков был товарищем председателя Владимирского миссионерского общества, почетным членом братств Александро-Невского,

святого Петра, святого Николая и святой равноапостольной Марии, оставил после себя проповеди, напечатанные во «Владимирских епархиальных ведомостях», и большую библиотеку.

Его корреспондент, архиепископ Тверской Савва (Тихомиров) (1819–1896), прославился как известный церковный археолог и богослов. Преосвященный Савва занимал должность синодального ризничего, затем ректора МДА, епископские кафедры в Можайске, Полоцке, Харькове и Твери, являлся автором большого количества научных трудов, среди которых такие как «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI–XVII вв.» (М., 1863), «Указатель для обозрения московской патриаршей ризницы» (1864), «Собрание мнений и писем московского митрополита Филарета» (М., 1884–88) и др. До сих пор издаются биографические записки преосвященного Саввы – «Хроники моей жизни», написанные умным, талантливым и наблюдательным человеком.

Письма епископа Иакова к архиепископу Савве охватывают весьма протяженный хронологический период — от 1850-х до 1880-х гг. и, подобно другим перепискам подобного рода, представляют большой интерес для исследователей той эпохи. Письма изобилуют именами, фактами и событиями, перемежаемыми более житейскими вопросами. Интересной особенностью данных документов является то, что на обороте писем епископа Иакова сохранились черновики ответных писем преосвященного Саввы. Анализ этих важных документальных источников, произведенный в данной работе, без сомнения послужит поводом к появлению большого числа научных трудов по истории Русской Православной Церкви XIX столетия.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Громова Полина Сергеевна,
к.ф.н., ст. преп. ФГБОУ ВО «Тверской
государственный университет», Тверь*

И. С. ТУРГЕНЕВ В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

Один из самых сложных вопросов истории русской литературы – это вопрос преемственности классической литературы XIX века с ее прихотливостью, многоплановостью, высокими требованиями к читательской аудитории и литературы советской с повышенной динамикой развития ее жанровой системы и декларативными идейно-эстетическими установками. Сравнительный анализ литературного наследия авторов двух эпох позволяет не только обнаружить частную близость в области философских и литературных воззрений, художественного метода, затрагиваемых в произведениях тем, но и ту особую плотность ткани

литературного процесса, которой не может похвастаться процесс социально-исторический и которая, по сути, является гарантией сохранения русской культуры и языка в настоящем и будущем.

С. И. С. Тургеневым С. И. Соколова-Микитова сопоставляли еще литературные критики-современники. Так, Н. Замошкин обращал внимание на реминисценции между «Живыми мощами» Тургенева и «Медовым сеном» Соколова-Микитова^[16]. В последующие годы сопоставление это ограничивалось, как правило, указанием на близость произведений Соколова-Микитова к «Запискам охотника», что во многом было обусловлено актуализацией определенной части литературного наследия «дворянского» писателя, соответствующими умонастроениями советской эпохи^[17]. В последнее время узость этого подхода постепенно преодолевается. Помимо близости в сфере поэтических описаний русской природы и изображения картин крестьянской жизни, характерных ее типов, выявляются неожиданные параллели между советским писателем и русским классиком. Например, рассуждая о социальной и литературной позиции Соколова-Микитова, привлекая для исследования большое количество биографического материала, М. В. Строганов называет писателя «почитателем старой усадебной жизни»^[18].

Говоря о творчестве Тургенева и Соколова-Микитова в целом, следует отметить жанровое сходство их произведений. Так, очерк в чистом виде, каким он пестовался Натуральной школой и спустя много лет пропагандировался советской литературной критикой, и Тургеневу, и Соколову-Микитову был чужд. Оба писателя не мыслили творческой деятельности без глубочайшего эмоционального переживания изображаемых событий и сообщения этих переживаний читателю. Сближает Соколова-Микитова и Тургенева тонкое чувство природы, внимание к достоверной художественной детали, внимание к жанровым сценкам. Кроме того, оба писателя были склонны объединять свои произведения в циклы^[19].

В свете такой близости интересным представляется более подробно сопоставить циклы, относящиеся к самым поздним этапам творчества писателей – «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Из записных книжек» Соколова-Микитова. При объективно очевидной неравнозначности объемов и художественной значимости мы можем выделить целый ряд перекликающихся тем, идей, мотивов и образов, благодаря которым выстраивается своеобразный диалог писателей, свидетельствующий о духовной близости, а в чем-то и о наличии разногласий, приводящих к литературной полемике. Общими для обоих циклов являются темы любви, красоты и величия природы (и вместе с тем ее страшного и естественного равнодушия к человеку), литературы и писательского труда. Их раскрытие также происходит в сходных руслах. В обоих циклах представлены поэтичные картины русской деревенской жизни, а в качестве магистральных антиномий выступают прошлое и грядущее, юность и старость, жизнь и смерть. Высказывания Соколова-Микитова о русском языке, самопожертвовании как высшем проявлении любви, о значимости

социального служения являются, фактически, прямыми отсылками к стихотворениям Тургенева. Ряд миниатюр и стихотворений имеют в своей основе одинаковые сюжеты и образы. Интересно отметить, что писателей сближает высокая частотность изображения птиц: некоторые стихотворения в прозе Тургенева и миниатюры Соколова-Микитова полностью построены на образе птицы, в других же упоминание птиц становится важным структурным элементом. Вместе с тем пейзажные зарисовки у Тургенева и Соколова-Микитова далеко не всегда выполняют одинаковые функции, а раскрытие взглядов на творчество и вдохновение разнится весьма значительно.

В дальнейшем исследовании мы хотели бы расширить палитру проблемно-тематических и образных переключек в творчестве Тургенева и Соколова-Микитова, а также уточнить сформировавшуюся к настоящему времени точку зрения на роль изображения природы в творчестве обоих авторов. Исследование этой темы поможет скорректировать не только сложившееся, довольно узкое и во многом превратное представление о роли классической литературы в творчестве Соколова-Микитова, но и в целом выявить особенности осмысления художественного, эстетического и идейно-философского наследия писателей XIX века в новый исторический период.

*Осипова Елена Аркадьевна,
с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва*

ВКЛАД И. И. СРЕЗНЕВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ РУССКО-СЕРБСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ*

И. И. Срезневский (1812–1880) — выдающийся русский ученый-славист первого поколения, профессор истории и культуры славянских наречий Харьковского, а впоследствии — Санкт-Петербургского университета. Его искренний интерес к славянству сформировался еще в юности, во многом благодаря тому, что в Харьковском университете, равно как и на юге Российской империи в целом, русско-славянские взаимосвязи и исследования были особенно актуальны. Показательны, в частности, слова ученого-славяноведа В.И. Ламанского, свидетельствовавшего, что И.И. Срезневский, еще до того, как отправиться в научное путешествие по славянским землям, был «горячим славянолюбом» [20].

Неудивительно, что во время своего трехлетнего путешествия по землям зарубежных славян (1839–1842), молодой, одаренный исследователь стремился как можно основательнее изучить языки, историю и культуру других славянских народов и при этом щедро делился плодами своих изысканий со своими славянскими коллегами (Вячеславом Ганкой, Вуком Караджичем и др.). Результаты обширной деятельности И.И. Срезневского на славянском поприще отражены в его научных и литературных трудах, а также — в переписке с другими учеными. Особого внимания заслуживают

«Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842 гг.», обладающие несомненными культурными и художественными достоинствами и являющиеся источником ценных сведений по культуре и истории славян, благодаря чему, по мнению одного из ученых, исследовавшего это произведение, оно «часто имело значение первоисточника»[21]. В первую очередь это относится к описанию необычных реалий и личностей выдающихся современников, встреченных им во время путешествия. С нашей точки зрения, значительный интерес представляет рассказ И.И. Срезневского о посещении им совместно с П.И. Прейсом героической Черногории, вызвавшей у русских путешественников искреннее восхищение свободолобием и героическим духом этого края, неслучайно называемого «сербской Спартой».

Внимательное изучение «Путевых писем» Срезневского, данных его переписки и архивных материалов позволяет предположить, что одно из центральных мест в русско-славянских исследованиях ученого занимала именно сербская культура и, в частности, одно из ярчайших ее проявлений — произведения сербского героического эпоса. Ученый с неподдельным интересом собирал и исследовал сербские народные песни, а также и сам упражнялся в их сложении. Так, например, существует интересное подражание эпическим песням, сочиненное И.И. Срезневским в честь величайшего сербского поэта, митрополита и правителя Черногории Петра II Петровича Негоша (1813–1851).

Все это стало возможным в значительной степени благодаря тесному знакомству и ценному опыту научного сотрудничества русского исследователя с реформатором сербского языка, фольклористом и этнографом Вуком Караджичем (1787–1864). Срезневский выступил в роли его первого библиографа, написав очерк о жизни и научной деятельности сербского просветителя «Вук Стефанович Караджич: очерк биографический и библиографический» (1846), который, по мнению сербского исследователя Стояна Новаковича, является лучшей биографией Караджича. При этом стоит подчеркнуть, что оказывая разнообразную помощь сербскому ученому в деле подготовки и популяризации его трудов, И.И. Срезневский приобретал знания, необходимые ему позже при работе уже с русским материалом. Так, помогая Караджичу в подготовке второго издания «Словаря сербского языка», Срезневский овладел важными лексикографическими навыками, применив их впоследствии в своем известном труде «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам».

Подытоживая, отметим, что многочисленные ценные наблюдения и научные открытия, сделанные И.И. Срезневским в области русско-сербских культурных взаимосвязей, а также дальнейшие его заслуги по обучению и воспитанию следующего поколения крупных русских ученых-славистов, сочетались у него с самоотверженной любовью к славянскому миру, а также — с искренним стремлением к его объединению для сохранения его неповторимого культурного и духовного своеобразия.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Ростовцева Юлия Александровна,
соискатель Литературного института им. А. М. Горького,
сотрудник музея Научно-просветительского центра «Бутово»
при Храме Новомучеников и Исповедников Российских*

ИДЕАЛЬНЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ СУМАРОКОВА И «ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ» 1721 Г.

В 1759 году А. П. Сумароков написал первую русскую литературную утопию — «Сон. Счастливое общество», в которой выразил свои политические идеалы. Особое место в повествовании уделено образу священнослужителя. Духовные лица мечтательной страны полностью подчинены светской власти. Ненавистники всякого суеверия, широко образованные и предельно нестяжательные, они нарочито противопоставляются автором российскому православному духовенству.

Общеизвестно, что в петровское время приходские священнослужители были сильно стеснены в своих доходах. На каждого рукоположенного иерея определялась руга или земля, которой он, как гласит «Духовный регламент», должен был быть доволен[22]. Кроме прочего, пастырям было запрещено принимать добровольные пожертвования от прихожан и благоподаяния за требы. Так, нередко клир был вынужден прибегать к тому типу заработка, который считался правительством не совсем законными.

С наступлением царствования «набожной» императрицы Елизаветы вопрос так называемого «лихоимства» решается в пользу священнослужителей. Первым постановлением государыни в отношении клира становится указ 29 ноября 1744 года «О нечинении обид Духовным лицам». После этого преемница Петра проявляет заботу о возвращении благочестного отношения к такому источнику существования православного духовенства как добровольные приношения верующих и требоисправления.

Совершенно иное предлагает в своей утопии деист и масон Сумароков. Не разделяя взгляды православного учения и не имея восторженного отношения к политике кроткой и религиозной монархии, писатель предлагает в качестве церковного эталона полную зависимость духовенства от верховной власти: «Во Светскія дела они ни подъ какимъ видомъ не вмешиваются...»[23]. В качестве неперемных человеческих качеств духовных им дважды названа нестяжательность, которая простирается даже до еды: «Къ пище привыкли они необходимой»[24]. Примечательно, что благоподаяние духовенству в мечтательной стране преследуется по закону.

«Получают они определенное, «а больше того имъ ни кто участно дать не дерзаетъ; *ибо то наказанію подвержено* (курсив мой – Ю. Р), да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ»^[25]. Таким образом, образ священнослужителя Сумарокова гораздо более связан с петровской эпохой и «Духовным регламентом» 1721 года, чем с законодательством императрицы Елизаветы.

В памфлете есть прозрачная отсылка к петровскому закону, регулирующему порядок государственной службы – знаменитой «Табели о рангах». Подобные исторические параллели делают мотивные связи между утопией Сумарокова и «Духовным регламентом» еще более иллюстративными.

*Ронкина Наталья Михайловна,
аспирантка ИМЛИ РАН, Москва*

ПРОБЛЕМА ДЕМОНИЗМА У М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ЗЕМНОЕ И ДУХОВНОЕ

Образ демона волновал творческое сознание поэта на протяжении практически всей его недолгой жизни. Это нашло отражение в произведениях Лермонтова, начиная с юношеского стихотворения 1829 г. «Мой демон» и ранних редакций поэмы «Демон» и заканчивая романом «Герой нашего времени». Образ демона, не покидавший поэта, менял свое наполнение от произведения к произведению, с каждым текстом приобретая новые черты.

Так, в стихотворении 1829 г. демон – сплетение земного и трансцендентного начал, спор земного и духовного.

Персонаж поэмы «Демон», также являющий собой сплетение земного и трансцендентного, обращен к земному любовью к смертной женщине – но важно, что именно земная любовь должна была указать герою путь к духовному возрождению, очистить его и вернуть в лоно духовного, то есть к Богу.

Сашка и Гарин, герои поэм «Сашка» и «Тамбовская казначейша» – нарочито земные характеры, далеко отстоящие от демона романтической поэмы. Демонизм персонажей спускается на землю (в чем не последнюю роль играет ирония).

Эволюция демона завершается героем лермонтовского романа. Персонаж его — незаурядный человек, которого с Демоном сближают исключительные и в то же время земные черты. Духовные поиски не чужды герою романа, однако цинизм, приобретенный Печориным, обращает его в противоположную от них сторону.

Таким образом, эволюция демонического персонажа являет собой движение от сверхъестественного, вписанного в контекст духовных поисков (поэма «Демон»), через нарочито земное («Тамбовская казначейша» и

«Сашка») к слиянию сверхъестественного и земного и снятию проблемы духовных поисков («Сказка для детей») и впоследствии – к человеку, характер которого несет на себе лишь печать романтического демона, человеку, зараженному цинизмом и разочаровавшемуся в духовном начале.

Козлов Александр Андреевич,
аспирант ИМЛИ РАН

ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО И НРАВСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В ПИСЬМАХ В. С. ПЕЧЕРИНА*

В докладе на основе исследования рукописного собрания писем В. С. Печерина (РГАЛИ) рассматривается одна из его удивительных способностей, сознательно или бессознательно совмещать в едином тексте синтетический характер светских и духовных реалий жизни: будь то Россия, Англия, Швейцария или любая другая страна. Например, Печерин неоднократно подчеркивает, что именно обстоятельство светского характера подталкивали его совершать поступки, которые принято трактовать в контексте его «духовного» пути.

Он пишет: *«Женщины премилые существа, но мысль о них как-то невольно сливается с понятием о роскоши... Да и вообще женщины не очень жалуют мечтателей-поэтов: они предпочитают им практических положительных людей с большим физическим капиталом... Итак женщины сошли со сцены — и в воображении моем осталась одна — мужская казарма, а это уже, как видите, очень близко подходит к монашеской обители».*

Автор писем наоборот может рассматривать явления духовного мира через призму светского: *«Она начала писать роман под заглавием “Джон Буль и паписты”, основанный на религиозной контраверсе, бывшей тогда в большой моде».*

Свое обращение в католическую веру он также трактует своеобразно: *«Я стараюсь теперь размотать запутанные нити разнообразных причин, побудивших меня принять католичество или, лучше сказать, искать убежища от бури под кровом католического монастыря».*

Сложно сказать, уместно ли наделять Печерина чертами поборника церкви или, еще мало вероятнее, чертами публичного, светского человека в полной мере. С одной стороны, свои мемуары он открывает фразой о том, что надеется остаться в памяти потомства, что не укладывается в концепцию личности духовной, с другой — вопросы религиозного характера фигурируют у него почти в каждом письме и очевидно, что этими вопросами писатель задается регулярно.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

ПИСЬМА Ф. Ф. ТОРНАУ К Д. А. МИЛЮТИНУ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МЕМУАРОВ ПИСАТЕЛЯ*

1. Литературное наследие барона Федора Федоровича Торнау (1810–1890) включает мемуарно-биографические и художественно-исторические очерки, публиковавшиеся, начиная с 1850-х гг.: в 1867 г. в «Русском вестнике» (№№ 9—12) вышли «Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции». Вторая публикация — «Панна Зося. Рассказ армейского прапорщика» — появилась в том же году на страницах петербургского сборника «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Путевые очерки «От Вены до Карлсбада» опубликовал в 1872 г. журнал «Русский вестник» (№ 1), а в 1881 г. «Русский архив» напечатал мемуарный очерк «Великая княгиня Елена Павловна». К ним примыкают незавершенные, изданные посмертно «Воспоминания», а также сохранившаяся в архиве солидная коллекция писем писателя, адресованных Д. А. Милютину.
2. Закончив службу в чине генерал-лейтенанта, военным агентом России в Вене, членом Военно-ученого комитета Главного штаба, Ф. Ф. Торнау за свою жизнь участвовал в военных кампаниях на Кавказе и в Европе, был причастен к подготовке и осуществлению стратегически важных операций, выполнял серьезные дипломатические и разведывательные поручения. Богатейшие впечатления неординарной судьбы нашли отражение в произведениях писателя, занявших самостоятельное место в истории русской литературы.
3. Существенным дополнением к «Воспоминаниям» Ф. Ф. Торнау европейского периода являются его 18 писем (НИОР РГБ) к Д. А. Милютину (генерал-фельдмаршал, военный министр России (1861–1881)), дополняющие весь художественно-документальный информационный массив государственно-политическими реалиями международных отношений стран Европы с Российской Империей в эпоху XIX в.
4. Дипломатическая разведка барона Ф. Ф. Торнау в Вене в течение шестнадцати лет была успешной, плодотворной и результативной. Дар наблюдательности, тонкое чутье и профессиональный опыт, эрудиция и художественный талант сослужили генералу Ф. Ф. Торнау добрую службу: донесения из Вены российского военного агента по вопросам военно-политической жизни европейских стран отличались прозорливостью и достоверностью.
5. По прошествии полутора веков, когда ретроспектива истории может быть воссоздана исторической наукой в полном объеме, становятся очевидными

роль и значение деятельности Ф. Ф. Торнау как военного агента. Его воспоминания о европейском периоде службы не только подтверждают высокую оценку военной деятельности Ф. Ф. Торнау, но и вписывают свою важную страницу в историю русской словесности.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РГНФ.

*Сорокина Дарья Дмитриевна,
аспирантка ИМЛИ РАН, Москва*

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГЕРОЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Н.Н. СТРАХОВА «ПО УТРАМ»

*Я вижу ясно свою дорогу и никакой демон ложными
приманками не уклонит в сторону моих шагов
Н.Н. Страхов «По утрам»*

Из ранних творческих попыток Н. Н. Страхова, воплотившихся в незавершенных художественно-автобиографических произведениях молодого автора, наибольший художественный интерес представляет повесть «По утрам» (1850).

Повесть подводит итог созданным Страховым в студенческие годы автобиографическим отрывкам, объединённым общим замыслом проследить путь совершенствования личности.

Произведение состоит из двенадцати глав – двенадцати дневниковых записей, запечатлевших нравственное восхождение молодого человека.

Проследить эволюцию мировоззрения героя и отразить его духовно-нравственное преображение является главной задачей, которую ставит перед собой автор повести.

После непродолжительной, но острой борьбы духа и плоти герой переживает внутреннее перерождение.

В художественной структуре повести Н. Н. Страхова «По утрам» важное место занимают описания природы. Она пробуждает в душе героя новые надежды, мечты о полезной для окружающих и для себя самого жизни.

В первой части повести, когда герой находится только в преддверии своего духовного обновления, пейзажные описания встречаются крайне редко. Во второй же части – с изменением и преображением внутреннего мира героя – изменяются и описания природы. Пейзажи расширяются и становятся панорамными. Большое место в них принадлежит описанию неба, что должно свидетельствовать о духовном прозрении героя и его высоких стремлениях.

Заметно меняется и лексика. Если в первой части повести она в основном отражает чувственную сторону жизни героя, то во второй отличается возвышенно-философским характером. Это еще один прием Страхова-прозаика, введенный молодым автором, чтобы подчеркнуть случившуюся у героя переоценку своей прошлой жизни и его сознательное вступление на путь нравственного и духовного совершенствования.

В повести встречаются библейские аллюзии, перефразированные автором стихи из первой главы «Экклезиаста», цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» и включённое в повесть стихотворение «Воскресение», написанное, по собственному признанию Страхова, под впечатлением от лермонтовского «Ангела».

Повесть «По утрам» явилась обширным философским размышлением молодого Страхова о смысле существования, о пределах человеческого разума, о торжестве духовной жизни над жизнью чувственной. На страницах повести автор предпринял попытку собрать воедино и проанализировать все главные мысли юношеских лет, подвести итог пройденному до сих пор пути и наметить самостоятельную дорогу в будущее.

*Мелентьев Федор Ильич,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

«ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА» О ПРИНЦЕССЕ ДАГМАР И СТИХОТВОРЕНИЯ НА СМЕРТЬ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Когда 12 апреля 1865 г. умер старший сын Александра II цесаревич Николай Александрович, наследником престола стал его брат великий князь Александр Александрович. Между тем будущее датской принцессы Дагмар, которая была невестой покойного цесаревича, казалось неопределенным. С одной стороны, юная принцесса была убита горем, с другой — брак с наследником русского престола, помимо всего прочего, мог стать гарантией мира для Дании, побежденной в 1864 г. в ходе датско-прусской войны. Кроме того, Дагмар уже свыклась с мыслью о переходе в Православие. В то же время цесаревич Александр Александрович был не на шутку влюблен в фрейлину своей матери. Все это с особой остротой поставило перед членами российской и датской династий проблему духовно-нравственного выбора.

Эта проблема получила своеобразное освещение в словесности эпохи. В частности, образ датской принцессы занял важное место в стихотворениях, посвященных кончине наследника. Среди авторов стихотворений, связанных с именем Дагмар, можно назвать Ф.И. Тютчева, принца П.Г. Ольденбургского, князя Н.П. Мещерского, В.В. Бажанова, П.В. Шереметевского, Ф.Н. Глинку, И. Маркова и др. В этих стихотворениях, принадлежащих к «светской» словесности, неизбежно затрагивались и «духовные» вопросы. С чем же было связано пристальное внимание к фигуре

принцессы, и что означала «поэтическая легенда», складывавшаяся вокруг Дагмар?

Во-первых, драматичная кончина жениха, произошедшая на глазах его невесты, потрясла русское общество и русских поэтов, жадно следивших за известиями о болезни и смерти наследника престола.

Во-вторых, эта общественная утрата, в поэтическом преломлении, послужила своеобразному «приобретению». Общие переживания, по словам поэтов, «породнили» принцессу с русским народом. «Ты *наша*», — восклицал Мещерский, утверждая, что вся Россия в своих молитвах принцессу «русской нарекла».

В-третьих, некоторые представители общества, не чуждые занятиям словесностью, мечтали о том, чтобы Александр Александрович женился на невесте своего умершего брата. В частности, близкие к славянофилам фрейлина императрицы Марии Александровны А.Ф. Тютчева и ее будущий супруг публицист И.С. Аксаков уже в апреле 1865 г. желали видеть Дагмар «нашей».

Эти чаяния перекликались со стихотворением Мещерского и, по-видимому, находили сочувствие в обществе. Между тем предполагаемый династический брак мог создать напряжение в отношениях между Петербургом и Берлином (что, собственно, и произошло). Александр II старался поддерживать не только союзнические связи, но и родственные отношения со своим дядей прусским королем Вильгельмом I, захватившим у Дании Шлезвиг. В таких условиях датская невестка русского императора должна была вызывать опасения у правящих кругов Пруссии. И если сватовство цесаревича Николая Александровича, влюбившегося в Дагмар по фотографии, было исполнено непродуманной романтики, то в случае с подготовкой брака Александра Александровича имелась возможность более взвешенно рассмотреть все «за» и «против». Однако пруссофобия, характерная для славянофильской среды, по всей видимости, подталкивала Тютчеву и Аксакова к стремлению противодействовать русско-прусскому союзу.

Наконец, литературное отражение этих событий, как считается, закреплено в тютчевских стихотворениях «на случай». В научной литературе, посвященной таким стихотворениям, отмечается, что состоявшаяся в 1866 г. свадьба символизировала преемственность и даже «равноценность» двух цесаревичей, а также означала своеобразную «легитимизацию» Александра Александровича в качестве наследника престола. Некоторые исследователи полагают, что эти процессы косвенно отразились в стихотворении Тютчева «Небо бледно-голубое». Однако, вопреки этой версии, хотя современники и симпатизировали браку будущего Александра III с великой княжной Марией Федоровной, их женитьба не представлялась в качестве «передачи эстафеты» престолонаследия, ведь к тому времени Александр Александрович уже более года был законным наследником и воспринимался в качестве такового.

В заключение следует отметить, что в 1866 г. наблюдался процесс активного воздействия лирики на идеи повременной печати и, соответственно, на русское общество. В частности, ведущий публицист эпохи М.Н. Катков, несомненно имея в виду стихотворение Мещерского, писал о принцессе: «Она была наша», а поэт П.А. Вяземский называл Дагмар «невеста наша», отмечая, что «она Россию полюбила, / и породнилась с ней Россия», а также напоминал: «Глас народа есть глас Божий», свидетельствуя об особой избранности будущей цесаревны. Связанная с датской принцессой «поэтическая легенда» начала формироваться уже весной 1865 г. и, по-видимому, оказала определенное влияние как на общественное мнение, так и на Александра II, который в конечном итоге настоял на женитьбе Александра Александровича с принцессой Дагмар. Таким образом, «светская» поэзия, затрагивавшая «духовную» проблематику, «помогла» членам российской и датской династий решить проблему духовно-нравственного выбора.

---

[1] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1217. Дело о Маркеле Родышевском. 1726–1728 гг. Л. 194 об.

[2] Богданова Т.А. Русское православное духовенство при посольских церквях в Западной Европе как фактор межкультурного общения (по письмам настоятелей русских храмов 1857–1865 гг.) // Литературные взаимосвязи России XVIII-XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивов. М., 2015. С.296-331.

[3] Неполющенность, слабость, недостаточность, ущербность – франц.

[4] Ф. 68. № 252. 119 л.

[5] Ф. 68. № 252. Л. 10

[6] Ф. 68. № 252. Л. 10 об. – 11.

[7] Ф. 68. № 252. Л. 25.

[8] Ф. 68. № 252. Л.25.

[9] Ф. 68. № 252 л. 25.

[10] Ф. 68. № 252. Л. 25 об.

[11] Ф. 178. Музейное собрание. № 4966.12 л.

[12] Ф. 178. Музейное собрание. № 4966. Л. 1

[13] Ф. 178. Музейное собрание. № 4966. Л. 1 об.

[14] Ф. 178. Музейное собрание. № 4966. Л. 3.

[15] Ф. 178. Музейное собрание. № 4966. Л. 5.

[16] Замошкин Н. Соколов-Микитов И. Повести и рассказы // Новый мир. 1929. № 7. С. 233–234.

[17] См.: Твардовский А.Т. О Родине большой и малой // Жизнь и творчество И. С. Соколова-Микитова: Сборник / Сост. А.К. Жехова и А.С. Соколова. М.: Дет. лит., 1984. 238 с. С. 16.; Солоухин Вл. С любовью к живой природе // Жизнь и творчество И. С. Соколова-Микитова: Сборник / Сост. А.К. Жехова и А.С. Соколова. М.: Дет. лит., 1984. 238 с. С. 34.

- [18] Строганов М. В. Соколов-Микитов в русской культуре XX века: опыт интерпретации / И.С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 115-й годовщине со дня рождения И.С. Соколова-Микитова. – Тверь: Изд-во «Марина», 2007. 216 с. С. 43.
- [19] Кузавова М. В. Циклообразование в творчестве И. С. Тургенева / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Вып. 3. – Т. 1. – 2012. С. 7-15.; Котова В. Ю. Пейзажная миниатюра в русской прозе второй половины XX века: И. С. Соколов-Микитов, Ю. Н. Куранов, В. П. Астафьев, В. А. Бочарников, Ю. В. Бондарев, Б. Н. Сергуненков. Диссертация... кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 Русская литература. Сыктывкар, 2001. 226 с.
- [20] Владимир Ламанский. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). (Оттиск из «Исторической записки о деятельности Императорского Археологического Общества за первые 25 лет существования). М.: В Синодальной Типографии. 1890. С. 4.
- [21] И.А. Филатов. Путешествия И.И. Срезневского по славянским землям в его письмах к матери // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского. 25–27 мая 2007 г. С. 42.
- [22] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго, по соизволению и приговору Всероссийскаго Духовнаго Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. М., 1861. С. 78.
- [23] Сумароков А. П. Сон. Счастливое общество // Трудолюбивая пчела. Декабрь. 1759. С. 741.
- [24] Там же. С. 740.
- [25] Там же. С. 741.